

Зураб Константинович, уже долгие годы вы активно работаете как монументалист...

- Еще в советское время у нас возник синтез монументального искусства и архитектуры. Сложилась прекрасная школа монументального искусства с такими яркими представителями, как Тальберг, Андронов, Васнецов (ныне - член президиума Российской академии художеств), Королев... Работать в этом направлении меня пригласил тогдашний главный архитектор Москвы Михаил Васильевич Посохин - для создания курортного комплекса в Пицунде. Со временем я прошел огромную школу, работал с выдающимися архитекторами - Мезенцевым, Посохиным, Полянским... Но мы следили и за творчеством зарубежных художников. В Тбилиси ко мне, например, приезжал Сикейрос. В тот период я много занимался мозаикой, и он наблюдал, как мне удается добиваться объемных решений в цвете. Неудобно об этом говорить, но ведь Сикейрос даже сравнивал меня с Риверой, своим педагогом, который отдал много сил мозаике. Сикейрос говорил, что это доброе искусство. Действительно, когда в пространстве, объеме торжествует цвет, свет, создается и совершенно особое мироощущение. Не случайно дети с их способностью отзываться на позитив очень любят мозаику. Для меня вообще большое значение имеет восприятие цвета и пластики детьми. Потому что их выбор безошибочен.

- Отчасти теперь становится ясно, откуда в ваших скульптурах на тему русских сказок, установленных рядом со стенами Кремля, появилась лубочность. Однако сейчас многие наши признанные мастера работают в модернистском стиле. Говорят, так теперь мыслит весь мир?

- В своих решениях я исхожу из конкретной ситуации. Именно она диктует мне ту пластику, которую надо использовать для того или иного пространства. Наверное, другой художник предложил бы свое решение. И это замечательно! Я считаю, что наша школа, которая существовала 70 лет, сильно ошибалась, предлагая всем, не только художникам, одинаково мыслить и даже одеваться. Ведь люди все разные. Но есть вещи, которые любой художник должен изучить. Как не бывает музыкантов без слуха, так и художник должен знать и понимать азы классической школы.

- Помимо монументального искусства вы занимаетесь и графикой, и живописью, создаете эмалевые панно... Но лично вам какой художественный жанр ближе?

- Мне все интересно. Когда-то я был восхищен, как Марк Шагал делал витражи. И понял: я могу делать все, и не надо ограничивать свое художественное мышление. Таким путем шли многие художники. Даже когда мы стараемся упростить форму, то и это делаем ради самого ценного - создания образа искусства.

- Сейчас вы являетесь, пожалуй, самым востребованным художником...

- Но это же произошло не сейчас. После Пицунды я работал в Адлере, Ульяновске, Сочи, Ялте... И в Москве я очень давно: в 1980 году был главным художником Олимпиады, потом МИДа СССР, оформлял советские посольства за рубежом...

- В вашей судьбе в какой-то степени отразились те переломы, которые пережили страны бывшего СССР. Вы приехали в Россию из Грузии. Уже несколько лет возглавляете Российскую академию художеств. Однако успешно работаете не только в России, но и в мире. Своим примером вы, собственно говоря, доказываете, что настоящий художник может творить при любых политических системах. Но само искусство может ли успешно развиваться, несмотря на политические бури?

Зураб ЦЕРТЕЛИ:

ФОТО ЭМИЛИЯ ЛАПОВКА

ЧТОБЫ ВЫБРАТЬСЯ С ЧЕРДАКА, НАДО ТРУДИТЬСЯ

Перечислить все регалии, а уж тем более работы Зураба Церетели, непросто. Потребуется не одна страница. Он и президент Российской академии художеств, и посол доброй воли ЮНЕСКО, академик многих зарубежных академий... Только живописных работ им создано свыше 5 тысяч. Он один из наиболее востребованных художников. Но именно его творчество вызывает самые неоднозначные и противоречивые оценки - от искреннего восхищения до полного неприятия. Впрочем, так же неоднозначна и эпоха, в которой всем нам довелось жить. Вот почему мы решили поговорить с Зурабом Церетели не только об искусстве, но и о времени.

- Моя первая установленная в Москве работа называется «Дружба навеки». В основе ее пластики алфавит: старый - русский и грузинский - и новый, русский и грузинский. У основания памятника лежат карточки, на которых приводятся слова русских классиков о Грузии и грузинских - о России. Есть и стихи Пастернака, хотя в то время само его имя нельзя было произносить. Член Политбюро, отвечающий за идеологию, дважды вычеркивал их из эскиза. Но мы, художники, упрямые люди - все сделали, как решили. Мы отлили слова поэта, и этот фрагмент приварили к монументу, когда он уже был установлен. Потом я получал множество благодарных писем за это от русских интеллигентов. В самом памятнике и его судьбе отразилось историческое и культурное единство наших народов. Оно существует и поныне. Другое дело, что спешка и суета мешают нам его почувствовать.

Между Россией и Кавказом всегда существовало взаимное приятие. Все лучшие русские поэты писали поразительные стихи о Кавказе. Происходило удивительное взаимопроникновение культур. Но то же самое происходило и на примере других бывших советских республик. Не только я, все академики Российской академии художеств понимают - если мы хорошо рисуем, то потому, что в СССР существовала общая художественная школа. Все республики учились друг у друга. Да и почему надо было смотреть и изучать только испанское или итальянское искусство, если мы обладали таким богатством, как национальный колорит - русский, армянский, грузинский, прибалтийский?.. Сейчас, оценивая творчество молодых художников, нередко говорят - теряется школа. Почему? Да потому, что больше нет той грандиозной палитры, которую созда-

вало мышление разных наций. Это вещь, которая скажется на многих поколениях художников.

- У вас всегда находится в работе множество проектов. Какой сейчас самый главный?

- Мемориал, посвященный жертвам 11 сентября. Он поднимется прямо из Гудзона на высоту 30 метров. Сердце композиции - хрустальная слеза, в которой будет циркулировать вода. Через эту слезу видно место трагедии, очертания Нижнего Манхэттена... Сейчас там стоит уменьшенная модель этого мемориала. На ее открытие я сказал, что когда Россия и Америка объединятся против терроризма, слезы мемориала станут выражением не скорби, а радости. Возвести монумент предполагается к 11 сентября нынешнего года. Это будет дар российского народа американцам.

- Этот монумент, безусловно, достоин только уважения. Как и многие другие ваши работы. Среди самых последних - памятник Николаю Чудотворцу в городе Барре в охраняемой ЮНЕСКО зоне, памятник Гоголю на вилле Боргезе в Риме. Но скажите, откуда в вас такое стремление - распространить свое творчество по всему миру? Ведь ваши скульптуры установлены, если я не ошибаюсь, примерно в 20 странах...

- Каждому художнику приятно, когда его творчество находит признание. Например, в свое время мне поступило предложение от греческих властей принять участие в конкурсе на создание памятника Колосса Родосского. Для меня это стало настоящим подарком. Ведь судьбой этого памятника я интересовался еще в молодости. Тогда я серьезно занимался этнографией и археологией. Из истории известно, что такой монумент существовал на самом деле. Он исчез после землетрясения. На

основе исторических данных я сделал свой проект Колосса в карандаше. Но земной шар все-таки не напрасно крутится. В разных его уголках рождаются сходные, а нередко и одни и те же идеи. Поэтому я совершенно не удивился, когда получил предложение из Греции. Пока судьба этого проекта до конца не определена. Но надеюсь, рано или поздно Колосс вернется на свое историческое место.

- Вас очень трудно застать в Москве. Сегодня вы здесь, завтра в Санкт-Петербурге, послезавтра - в Тбилиси, в Нью-Йорке, Париже... А есть у вас любимый город?

- Москва! И не только потому, что здесь я стал работать наиболее плодотворно. Для грузин Москва город отнюдь не чужой. Они селились здесь с XVII века. Вы думаете, случайно такое название, как Большая Грузинская улица? На этом месте существовала грузинская слобода, где я теперь и живу. Можно сказать, на своей родной улице.

- Вы открыли в Москве три музея. Из них два - современного искусства. Наверно, это тоже не случайно?

- Идею такого музея я вынашивал лет 40. В свое время меня еще Демичев вызывал: дескать, надо делать такой музей. Но когда я ему сказал, что там окажутся художники, которых выбросили из страны после революции, он пошел на попугайную. И Россия продолжала жить без музея современного искусства. По этому поводу постоянно все сокрушались. Ну ведь должен кто-то проявить и соответствующую инициативу - что я и сделал. Сейчас музею уже 4 года. Мы успели провести много выставок, в которых участвовали провинциальные музеи России, о которых вообще надо говорить отдельно. Ведь русский авангард фактически спасла провинция. Его выбрасывали из столи-

цы, запрещали, а российские музеи подбирали и сохраняли. Сам я тоже мечтал вернуть в Россию картины художников-авангардистов, вывезенных за границу, посвятил этому много времени и сил. Кое-что удалось сделать. На открытии в декабре 2003 года второго здания Музея современного искусства в Ермолаевском переулке были представлены произведения отечественного модерна и авангарда, которые были возвращены из самых разных стран. Это был мой дар музею - свыше трехсот картин, которые принадлежат кисти Кандинского, Малевича, Шагала, Бакста, Лентулова...

- Несмотря на ваше общественное служение, у вас как и у художника тоже много недоброжелателей, вас часто критикуют. Это сказывается на вашем внутреннем мире?

- Но это же хорошо, если критикуют! Значит, не забыли. Кроме того, и вы, и я знаем, что заказные критики существовали всегда. Но самое главное - я уверен в том, что делаю. Такая вот у меня жизненная школа. Когда существовал социализм, мое понимание живописи не вписывалось в идеологическую концепцию государства, тем не менее я никогда не рисовал ни вождей, ни членов Политбюро. Но Бог все видит. За свои работы я получил и Ленинскую, и трижды Государственную премию, и Героя Социалистического Труда. Это происходило, потому что большинство людей и в России, и в мире чувствуют и понимают искусство. Я всегда в это верил. Народу нравилось и нравится, что я делал. Именно это надо учитывать при оценке произведений искусства. Это поможет и избежать ошибок, которые допустили в той же Франции. Когда там строилась Эйфелева башня, многие великие люди выступали против. Один известный человек сказал: мне нравится Эйфелева башня, когда я стою там. Потому что тогда я ее не вижу. А теперь это национальная гордость Франции.

- Вы не пишете портреты государственных деятелей, однако сумели установить крепкие связи с первыми лицами многих государств.

- У того же Буша-старшего дома висит моя картина. Будучи президентом, он пришел в мою мастерскую вместе с Горбачевым посмотреть проект дара от российского народа американскому «Как Европа нашла Америку», посвященному открытию Америки Колумбом. Я сказал Бушу, что сниму со стены и подарю ему любую понравившуюся картину. А он выбрал ту, которую я начал утром. И пришлось при нем закончить ее, он наблюдал за работой.

- А почему вы не продаете свои живописные работы?

- Мне приятно их дарить тем, кто знает и любит искусство. На открытии моей скульптуры в Нью-Йорке «Добро побеждает зло» Бейкер сказал: утро для меня и моей супруги начинается радостно, потому что в спальне висят цветы Зураба. У многих моих друзей, надеюсь, день начинается так же. Когда я чувствую, что человек искренне хочет иметь мою картину, я дарю ее. Мы, художники, искренность вообще обостренно чувствуем. Особенно те художники, которые рисуют с натуры. Нас интересует не поверхностное сходство, а внутреннее.

- Вы очень много успеваете в жизни. Вы и художник, и монументалист, и президент Академии художеств, да и вообще деловой человек, который претворяет в жизнь множество проектов. Как вам удается так многого добиваться?

- Знаете, мои родители, я сестрой - все жили в одной комнате. Так многие тогда жили. Потом я женился и стал жить на чердаке. Родилась дочь, супруга страдала пороком сердца, болела. Чтобы ее спасти, требовались лекарства, больницы... В общем, чтобы выбраться с чердака, надо было трудиться. Чем я до сих пор и занимаюсь.

Беседовала
Наталья КУЗИНА